

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

«И рады бы в рай, да грехи не пускают!»

«„И рада бы в рай, да грехи не пускают!“ – вот что самой про себя, приходится теперь часто, слишком часто повторять России, или, лучше сказать – вот что думается про Россию невольно, когда всматриваешься пристальнее в события нашей современной русской действительности. Кажется, вот блеснула заря и засияет солнце на безоблачном небе, – но не лезут с неба упорные тучи, опять сошлись, нависли, и опять серо и опять сумрачно. Кажется, – вот пробежало по всему организму ощущение здоровья и силы, бодростью и гордостью окрылился дух – все ему нипочем, горы сдвинет...»

Иван Сергеевич Аксаков
«И рады бы в рай, да грехи
не пускают!»

«И рада бы в рай, да грехи не пускают!» – вот что самой про себя, приходится теперь часто, слишком часто повторять России, или, лучше сказать – вот что думается про Россию невольно, когда всматриваешься пристальнее в события нашей современной русской действительности. Кажется, вот блеснула заря и засияет солнце на безоблачном небе, – но не лезут с неба упорные тучи, опять сошлись, нависли, и опять серо и опять сумрачно. Кажется, – вот пробежало по всему организму ощущение здоровья и силы, бодростью и гордостью окрылился дух – все ему ни почем, горы сдвинет... А потом, смотришь – затомился он снова тайным чувством внутреннего бессилия, смутился недоверием к самому себе, к своим дарам Божьим и не только не сдвигает гор, но об каждый камушек на дороге спотыкается, от каждого валуна готов обратиться вспять... Как, по-видимому, счастливо закончились для России, в прошлом году, обстоятельства политические, какое спасительное сознание обхватило, по-видимому, все слои русского населения, – сознание своей народности, своих прав и обязанностей как

русского народа (например, по отношению к Западной России), какие широкие мировые задачи, казалось, ей достались на долю, какие высокие исторические призвания раскрылись ей и как по плечу они для России!.. И вот, закипает работа, напрягаются мощные мышцы, приносятся жертвы, тратятся силы, и кажется близка цель... но... но... Как будто что-то мешает, что-то держит там сзади и не пускает, что-то свинцом налегло на руки, что-то гнетет, отчего-то путается и не спорится работа, – и уже не только цель не дается в руки, но отодвигается все дальше и заволакивается каким-то туманом... Что ж это держит, что ж это давит?

Старые долги, старые недоимки! И история, как неумолимый кредитор, со счетом в руках, бежит сзади и требует к расплате! Да, видно, не расквитавшись, не ликвидировавши прежних долгов, не совсем удобно пускаться в путь дальний и новый или начинать дело, требующее свободного капитала, – точно так же, как не расставшись с старым грехом чрез исповедь и покаяние, не выйдя из его плена, едва ли благоразумно браться за

подвиг, который могут поднять только силы освобожденного, очищенного духа!.. И много накопилось этих долгов за последние полтора-два десятилетия нашей исторической жизни, – таких долгов, что мы, должники, не знаем им ни числа, ни названия, а наводят их нам на память лишь роковые события, при предъявлении грозных счетов исторической судьбою – в ту самую пору, когда мы наиболее нуждаемся в средствах! И в самом деле – все мы помним, как страшен показался нам список этих долгов, предъявленный Восточной войною, и каких напряженных усилий потребовалось нам, чтобы избежать совершеннейшего банкротства!.. Но этот список был далеко не полон, или только один из списков, вернее же сказать – мы расквитались тогда только в процентах, а еще не в капитальной сумме... Дело в том, что, двинувшись, благодаря нынешнему царствованию, на путь разнообразных реформ, мы только теперь, ежедневным опытом убеждаемся, как недостаточно для осуществления их одного благого желания, как необходимо обновиться вполне и всецело, вполне отречься от прежнего пути,

прежней системы, – совершить полный акт действительного, несомненного покаяния, то есть сознать и назвать, обличить без пощады, неумолимо, свой собственный грех и твердо решиться развязаться с ним отныне и навеки.

Мы не совсем верим в исправление незнательное; мы не думаем, чтоб так-таки можно было, легко и удобно, как по рельсам, перекатиться из порока в добродетель и, заснув вчера вором, льстецом, низкопоклонником, обскурантом, проснуться утром – честным, правдивым, мужественным, свободомысленным гражданином, любящим свет и жаждущим света... Если же, по тому проворству, с которым у нас все творится, как по щучьему веленью в сказке, и кажется иногда, что преобразование идет на лад вполне удачно и что мы можем обойтись без формального разрыва с темными преданиями не слишком впрочем давнего прошлого, что наконец и каяться-то нам особенно не в чем и условия для нашего преуспевания довольно благоприятны, – то последствия не замедлят обнаружить всю ложь нашего самообольщения! К сожалению, мы и тут большею частью не до-

искиваемся причины, не приходим к сознанию коренного греха, а сваливаем всю вину на внешнюю мелочную ошибку и ограничиваемся ничтожною, временною поправкой, – или, как мы уже выразились, успокаиваем кредитора уплатою не капитальной суммы долга, а только процентов.

Мы не принадлежим ни к пессимистам, ни к алармистам, то есть ни к тем, для которых все окрашивается зловещим цветом и которые не склонны видеть чего-либо отрадного в будущем, – ни к тем пугливым и робким, которые готовы кричать караул при малейшем призраке общественной опасности. Мы не разделяем также оптимизма большей части наших газет, которые задали себе задачей содержать публику в постоянно приятном расположении духа и в лестном для нее убеждении, что от нее, публики, никаких особенных тяжких нравственных усилий не требуется и не потребуется. Об этом оптимизме, который едва ли есть дело искреннего убеждения, и говорить нечего... Мы могли бы быть названы оптимистами совсем в другом смысле. Мы несомненно верим в призвание и будущность

русского народа; мы твердо убеждены, что в общем итоге, несмотря ни на что, сил его прибывает; мы знаем, каким тугим медленным процессом совершается исторический рост и развитие всякого богато одаренного народного организма.

Но мы знаем также, что этот рост, это развитие могут быть задерживаемы, и надолго, случайными, ненужными, напрасными обстоятельствами – что бывают недуги, полагающие на долгое время предел всякому поступательному вперед движению, расстраивающие правильность органических отправления, требующие трудного и продолжительного лечения и не всегда окончательно исцеляемые. И добро бы беда ограничивалась одними, так сказать, физическими, материальными недугами, от которых, сравнительно, еще не так трудно избавиться! Но гораздо важнее и опаснее их те болезни, которые посягают на внутреннюю целостность народного духа и подрывают самую ту силу, которою одной он может целиться. В таком случае нет другого пути к нравственному выздоровлению, как подвиг неукоснительного самосознания, беспо-

щадного самообличения и искреннейшего обновления отношений духа к исконному народному идеалу добра и истины. – Было иго татарское; оно, как внешняя беда, исчезло почти без следов; был переворот Петра, от которого и до сих пор не может оправиться и наладиться внутренне Русь, хотя и возведена им на степень могущественнейшей и великой державы, хотя и наделена видом стройности, здоровья и силы...

В жизни народов ошибки – чужой вины, даже по-видимому кратковременные и мало-важные, отзываются обыкновенно последствиями медленными и продолжительными, соответственно тем особенным размерам времени, которые существуют для исторического бытия всякого народного организма и которые никак не могут быть судимы по масштабу человеческой жизни. Ложное направление, данное, например, народному образованию, может продолжаться иной раз лет 10, 15, не более; но оно выхватит из народа несколько поколений, воспитавшихся в течение этого срока под действием ошибочной системы и ставших никуда негодным, мертвым, непро-

изводительным капиталом, – оно надолго обезлюдит страну, лишит ее нужных, полезных деятелей... Семена зла плодovitы: доброе семя всходит не на всякой почве, на которую падает; семя зла растится и множится всюду, без особого труда и незаметно. Мы с таким тщанием принялись теперь, у себя в России, сеять и возделывать добрую пшеницу на старых нивах, – но мы и сами не знаем или, лучше сказать, мы забыли, как много растительной силы терний и плевел заключается в этой почве, как много семян дурной травы рассеяно по ней нами самими; мы забыли, что эти семена, не выполотые, взойдут непременно вместе с посеянною нами вновь пшеницей и удивимся простодушно теперь: отчего же гложет эта наша пшеница...

«Да, рады бы в рай, да грехи не пускают!» Вот эти-то наши грехи и было бы полезно назвать и определить словом! И есть им имя и не трудно было бы их уловить и выразить словом...